

62

130/21 | вкл
ГИ ДЕ МОПАССАН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Под общей редакцией
Ю. ДАНИЛИНА и П. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

ТОМ
№ II

ПЫШКА

ВОСКРЕСНЫЕ ПРОГУЛКИ
ПАРИЖСКОГО БУРЖУА
ЗАВЕДЕНИЕ ТЕЛЬЕ
М-ль ФИФИ

Государственное Издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1950

Предположение Э. Меняла о том, что тему «Пышки» Мопассан получил от Золя, неверно, хотя эта повесть и родилась на свет в те годы, когда Мопассан был особенно близок к Золю.

Современная французская критика признает «Совершенно неправдоподобным» рассказ Мопассана о том, как был создан сборник «Вечера в Медане». То, что Мопассан хотел «расширить критику» этой задорной и язвительной статьей, помещенной им в «Голуа» 17 апреля 1880 года (см. ее в т. XIII), сомнению не подлежит. Но если Эниик и Сear рассказывают несколько иначе историю создания этой книги, то суть дела все же остается неизменной: пять молодых учеников Золя решили выступить со сборником повелл, объединенных общностью темы (воспоминания о минувшей войне), со сборником, который должен был включить также повесть Золя. Фактом своего сотрудничества, предоставления книге своего уже известного имени, Золя должен был как бы ввести в литературу молодых писателей и отрекомендовать их публике.

Единство темы «Вечеров в Медане» определялось общими воззрениями и настроениями, свойственными всем членам «меданской группы». В труде Л. Деффу и Э. Зави вопрос этот освещается следующим образом.

«Прошло уже с десяток лет после подписания Франкфуртского мирного договора; книги о войне появлялись со всех сторон; Вийемер и Делормель царствовали в кафе-концертах; не было ни одного романа, который не завершался бы куплетом о реванше: «Земляничная ферма», «Они мою разбили скринку» и т. д.; на перекрестках торжествовал весь репертуар Амьяти. Мы не могли бы теперь упомянуть хотя бы одни заглавия романов и повелл, порожденных тем же вдохновением; но в эту эпоху их называли слишком много, и шестеро друзей не преминули высмеять эту литературу. Отсюда возникла их первая мысль — вынудить книгу, совершенно отличающуюся от тех, которые были тогда обиходными»¹.

Таким образом, сборник меданцев является протестом против французской шовинистической литературы 70-х годов, со всей ее низкопробностью и пошлостью. Горячий патриотизм, страстная любовь к родине, ненависть к ее врагу сочетались у меданцев с критическим отношением к «высшим» классам французского общества и разоблачением противоречий буржуазного строя, так ясно вскрывшихся во время минувшей войны. Темы с шовинистическим духом были ими забракованы (напр., попытка Александра написать о пруссаках, обещивающих мертвые тела), но тема реалистически изображенных зверств врага, конечно, осталась (повесть Золя «Осада мельницы»). Эниик рассказал об осаде публичного дома и об избитии девушек. Гюисманс дал юмористическую зарисовку трусливого ополченца. Сear и Алексис сатирически изображали тыловых дам. На этом фоне видно многостороннее родство «Пышки» с остальными повеллами сборника.

¹ L. Deffoux et E. Zavier, Le groupe de Médan, P. 1926, p. 10.

Название сборника было найдено не сразу. Гюисманс предложил озаглавить его «Комическое путешествие», но это предложение было отвергнуто из патриотических соображений. Тогда было единогласно решено дать сборнику заглавие «Вечера в Медане», потому что, говорит Сear, «оно воздавало честь дорогому дому, где г-жа Золя матерински принимала нас и забавлялась, превращая нас в избалованных детей».

Мопассан впервые упоминает о работе над «Пышкой» в письме к Флоберу от 2 декабря 1879 года: «Я основательно работаю над своей повелллой о руанцах и войне. Отныне при проезде через Руан мне придется иметь в карманах пистолеты». Тот этих слов позволяет думать, что Флоберу уже и ранее было что-то известно о сюжете повеллы.

Тем не менее несколько загадочно то обстоятельство, что Флобер долгое время ничего не знал об издании сборника. В письме к Мопассану от 2 января 1880 года он пишет: «Ах, вот как! Вы издаете том; Вы говорите наши корректуры; кто эти мы? У меня огромное желание ознакомиться с этим антипатриотическим сочинением». В письме от 4 января Мопассан рассказывает Флоберу, как родился сборник; Золя, Гюисманс и Сear уже рассказывает Флоберу, по повелле на темы минувшей войны; Золя напечатал каждый новеллу можно было бы объединить в один том, и поручил Эниику, Алексису и Мопассану тоже написать по повелле. «Составляя эту книгу, — пишет Мопассан, — мы не имели никакой антипатриотической цели, да и вообще никакой цели; мы хотели только, говоря о войне, попытаться придать нашим рассказам верную ноту, очистить их от шовинизма а ля Дерузел, от фальшивого энтузиазма, который считался до сих пор необходимым в всяком новелствовании, где имеются красные штаны и ружье»¹.

В недатированном письме, относящемся, видимо, к самому концу января, Мопассан сообщает Флоберу: «Я пришлю Вам завтра или послезавтра корректуру моей повеллы «Пышка» и прошу Вас прочесть ее. Я могу делать только изменения отдельных слов, так как все мы обязались не менять количества строк во избежание переверстки всего тома». И 1 февраля Флобер пишет своей племяннице: «Пышка, новелла моего ученика, корректуру которой я прочел сегодня утром, — шедевр; я настанваю на этом слове — это шедевр композиции, комизма и наблюдательности, и я задаю себе вопрос, каким образом она могла шокировать г-жу Брэнн?»²

И он тотчас же написал Мопассану, поздравляя его и не скрывая своей гордости:

«Мне не терпится сказать Вам, что я считаю «Пышку» шедевром. Да, молодой человек, это не более, не менее, как мастерское произведение. Это очень оригинально по концепции, прекрасно схвачено в целом и великолепно по стилю. Пейзаж и персонажи отчетливо видны, и психология обрисована сильно. Короче говоря, я в восхи-

¹ «Lettres inédites de Maupassant à Flaubert», publiées par Pierre Borel, P. 1929, pp. 124—125.

² О г-же Брэнн см. в комментариях к III тому. По предположению биографов, она ревновала Мопассана к героине этой повеллы.

щени: два-три раза я громко хохотал... Этот маленький рассказ *останется*, будьте в этом уверены. Какие прекрасные физики у ваших буржуа! Все персонажи удались. Корнюде неизмерим и правдив. Монахиня в рубцах от осы превосходна, а граф и его «мое дорогое дитя», а конец! Бедная девушка, которая плачет, когда тот другой поет марсельезу,— это возвышенно! У меня желание чмокать тебя в течение целых четверти часа! Нет, право, я доволен. Я позабылся, и я в восторге...»

Цитируемое письмо особенно ценно в том отношении, что Флобер сделал несколько замечаний по части пелочетов «Пышки». Он пишет: «Но как раз потому, что это вещь резкая в существе своем и что она не понутру буржуа, я спил бы две вещи, которые совсем не плохи, но могут дать раскритичаться дуракам, потому что, кажется, так и говорят «нас... мне на это»: 1) *в какое же отхожее место* и т. д., это молодой человек обливает грязью наше оружие, и 2) слово *трудности*, после чего самому жеманному вкусу не в чем Вас будет упрекнуть. Она очаровательна, Ваша девка! Если бы Вы могли умерить ее живот в начале, Вы доставили бы мне удовольствие».

Первая фраза, о которой говорит Флобер, относится к началу повелли, к описанию панических настроений национальной гвардии, исчезнувшей при приближении пруссаков к Руану (см. стр. 6; фраза, видимо, находилась в конце абзаца «Национальная гвардия...»): «В какое же отхожее место вырнули вы, о ружья!»

Эту фразу Мопассан просто вычеркнул¹.

Следующее замечание Флобера касается фразы: «Увидел Пышку, *трудности и живот которой сливались* под голубым кашемировым халатом, окаймленным белыми кружевами» (см. стр. 26, абзац: «Около часа спустя...»). Мопассан изменяет курсивное место так: «которая казалась еще пышнее в голубом», и т. д.

Наконец третье замечание Флобера относится к описанию героини на стр. 13 (абзац: «Женщина — из чела...»), где в фразе: «Маленькая, повсюду кругленькая» имелись слова «толстым животом, выдававшимся под ее платьем». Слова эти Мопассан заменил «пышной грудью, выдававшейся под платьем».

Менпаль, изучавший рукопись «Пышки», указывает, что в печатном тексте Мопассан взял еще две фразы — может быть, тоже по совету Флобера. Вот эти фразы: «Улицы казались оживленными, как и во время французов; ничего по видимости не изменилось, исключая лишь формы солдат», — фраза, относящаяся, очевидно, к стр. 8 (абзац: «Весь город мало-помалу...»). Другая фраза относится к месту о вылавливаемых из Сены трунах пруссаков: «В этом проявлялась преданность бедняков их жалким очагам; они выходили ночью и действовали впотьмах» (стр. 8, абзац: «Между тем за городом...»).

Мопассан вынужден был пойти на эти купюры по той причине, что над его головой уже висели два судебных преследования (см. комментарий к I тому), второе из которых удалось приостановить

¹ Об этом и нижеследующих замечаниях Флобера см. в книге E. d. Maunial, *La jeunesse de Flaubert*, P. 1913, pp. 328 — 330.

всего за какие-нибудь два месяца до выхода «Вечеров в Медане». А Флобер, на всю жизнь запомнивший отвратительные обстоятельства суда над ним за «Госпожу Бовари», естественно внушал своему любимому ученику избегать в данный момент всего, что могло бы «заставить взвизг буржуа».

Успех «Пышки» был последней радостью Флобера, умершего 8 мая 1880 года. Не переставая интересоваться всем, что было связано с «Пышкой», восхищался успехом своего ученика, он писал ему в последнем письме от 3 мая: «На будущей неделе принеси мне список пидютов, пишущих так называемые литературные отчеты в газетах. Тогда мы выставим «наши батареи». Но помни об этом правиле доброго Горация: *Oderunt poetas...* Уже восемь изданий «Вечеров в Медане»? «Три повести» выдержали только четыре издания. Я готов завидовать».

«Батареи», о которых говорит Флобер, казались ему небесполезными, потому что критика яростно выругала «Вечера в Медане». Правда, Флобер под шумок забавлялся той перепалкой, в которую попала «банда Золя». Но если задеть и потревоженная буржуазная критика воила о «редкой дерзости этих самонадеянных людей», пронырски именуя их «крайнею левой чернильницей», если она все ожесточенней обвиняла их в оскорблении родины и религии, в любовании нечистотами, то Флобер не мог в конце концов не встревожиться за судьбу своего любимого ученика.

В основе большинства произведений Мопассана лежит подлинное происшествие. У очень многих персонажей Мопассана имелись прототипы. Все это блестяще подтверждается уже на «Пышке».

В настоящее время известны прототипы двух героев этой повелли, демократа Корнюде и самой Пышки.

Прототипом Корнюде является не кто иной, как Шарль Корд'ом, дядя Мопассана. Одна из популярных фигур Руана, Шарль Корд'ом, «*vieux faubourien*», являлся членом демократической партии и другом Бланки и Барбеса. Он нередко выставлял свою кандидатуру, как демократа, на выборах, но, кажется, успеха среди избирателей не имел. Благодаря своей длинной бороде и широкополой шляпе он внешне напоминал республиканцев 1848 года. Историю, рассказанную в «Пышке», Мопассан узнал именно от своего дяди, который был и участником описываемой поездки. Биографы Мопассана отмечают, что вряд ли Корд'ом участвовал в сцене, имевшей место в коридоре гостиницы и, может быть этот эпизод, как, впрочем, и весь шаржированный портрет Корнюде, явился причиной ссоры, последовавшей, как говорят, между Мопассаном и его дядей после опубликования «Пышки»¹.

Гораздо полнее сведения, имеющиеся по поводу прототипа Пышки. Им являлась известная в Руане куртизанка Адриенна Лерэй (1848—1893; по другим данным, умерла она около 1897 года).

¹ См. еще о Корд'оме в комментариях к VI тому, стр. 346 — 347.

Уроженка общины Эльто в кантоне Вальмон, близ Фекан, Адриенна Легэй двадцати лет приехала в Руан, сделалась любовницей одного офицера, но затем бросила его и сошлась с одним руанским оптовым торговцем. Связь их оказалась долговременной, прочной, и Адриенна хранила верность своему любовнику, когда он был призван в армию во время войны 1870—1871 годов. Он находился тогда в гарнизоне Гавра, и Адриенна не раз ездила его навещать.

Милосердие Пышки вполне отвечала данным ее прототипа, точно так же, как и ее патриотизм. В день, когда в Руан собирался въехать германский наследный принц, Адриенна, подобно многим другим жителям, демонстративно вывесила из окна черный флаг в знак патриотического траура. Когда же, в наказание за эту демонстрацию, немецкое командование предписало 10 марта 1871 года обывателям принять на постой новых 10 000 пруссаков, Адриенна вынуждена была впустить к себе двенадцать солдат, но точнее же «сунула ключ под зверь и уехала» в Гавр к своему возлюбленному. Во время этого-то ее путешествия (совпавшего, очевидно, с кануном или самыми первыми днями Парижской коммуны), с Адриенной и произошел случай, рассказанный в «Пышке» со всеми точнейшими подробностями, вплоть до описания местных пейзажей и гостиницы в Тоте, хорошо известной Мопассану.

С меньшей точностью Мопассан воспроизводит наглую выходку немецкого офицера, всю борьбу за Адриенну, дипломатию ее спутников, их победу и последующее презрение. Но одною из читательниц «Пышки» оказалась сама Адриенна Легэй. По словам одного из биографов Мопассана, спорила она только против развязки, против того, что она, патриотка, уступила домогательствам пруссака. Адриенна выдвинула при этом — если только это верно — забавные в своей неожиданности аргументы:

«— Это ложь! — заявила она. — Это месть со стороны господина Ги, потому что я отказалась его выслушать. Он не правился мне, — да и затем... почему я знала, что он будет знаменитым человеком?»¹

Один из биографов Мопассана, Адольф Бриссон, подтверждает, что Мопассан был еще в 70-х годах знаком с Адриенной Легэй: «Вы знаете, что Мопассан частенько бывал в достаточно сомнительных местах; он не презирал общества легких женщин; юность его была очень рассеянная. Таков же, должно быть, был и зрелый возраст. Во время своих походов на старинных улицах Руана (в другом месте Бриссон утверждал, что Мопассан встретился с Адриенной в бытность свою на военной службе. — Ю. Д.) он повстречался с бедною девушкой, имя которой вскоре и обессмертил в своей повелле². И Бриссон прибавляет, что об этом было известно матери Мопассана, которая жалела, что не знала о бедственном конце жизни Адриенны и не оказала ей помощи.

Имеется также рассказ о встрече Мопассана, уже известного писателя, с прототипом своей героини. Однажды Мопассан приехал

¹ A. Lumbroso, Souvenirs sur Guy de Maupassant, Rome, 1905, p. 353.

² Ibid., p. 128.

в Руан к своему другу Роберу Пеншоу. Вечером его повели в местный театр.

«Мы показали ему Пышку, — пишет бывший при этом руанский журналист Анри Бриду. — Она занимала ложку одна. Он смотрел на нее долго, с любознательством, с сосредоточенным вниманием и, я бы сказал, почти растроганно; затем он покинул нас, и мы увидели мгновение спустя, как он вошел в ложу дамы, и мы увидели низким поклоном, с почтительностью галантного мушкетера, и занял место возле нее. В этот же вечер после театра Пышка и Мопассан вместе ужинали наедине в Отель де Мане. О чем они говорили? Какой обмен речей произошел между этим прихотливым и утонченным человеком, писателем-художником, и этою женщиной с поистине вульгарным умом, сохранившим, может быть, лишь смутное и зыбкое воспоминание о прошлом происшествии, о забытом инциденте ее любовной жизни?»¹

Данных об Адриенне Легэй не так уж много. Но если одним она казалась «поистине вульгарным умом», то другие сохранили память о ее благородном сердце, многочисленных актах самопожертвования и о всей ее несчастливой судьбе. Мы не имеем возможности останавливаться на последующих событиях ее жизни, очерченных довольно подробно в книге Лумброзо, и упомянем лишь, что, измученная жизненной борьбой, она покушалась на самоубийство (ее спасли, но она умерла через два дня), оставив письмо своему домовладельцу с извинением за то, что она не может выплатить ему своего долга — семи франков...

В 1902 году французский драматург Оскар Метенье переделал «Пышку» в трехактную пьесу, которая и была поставлена в парижском театре Антуана в начале мая 1902 года. Замечательно, что в перепечатанной в книге Лумброзо рецензии об этом спектакле (стр. 122—126) о повелле Мопассана говорится, как о чем-то давно забытом.

В декабре 1902 года пьеса Метенье появилась и на немецкой сцене. Как и следовало ожидать, вмешалась цензура. По ее требованию слово «пруссак» всюду в пьесе было заменено словом «враги», прусский офицер превратился в австрийского офицера, а действие было приурочено к 1814 году.

В 1934 году «Пышка» впервые появилась на экране, и фильм этот принадлежит к числу побед советской кинематографии. Еще памятен успех этой картины, ярко раскрывшей острую социальную тему повелли Мопассана.

МОПАССАН и П. С. ТУРГЕНЕВ

Посвятив первую свою книгу — том стихов — Флоберу и посвящая вторую — «Заведение Телье» — П. С. Тургеневу, Мопассан свидетельствовал этим, насколько близкими и одинаково дорогими ему людьми являлись оба эти его литературных учителя.

¹ Georges Normandy, Maupassant, P. 1926, pp. 76—77.